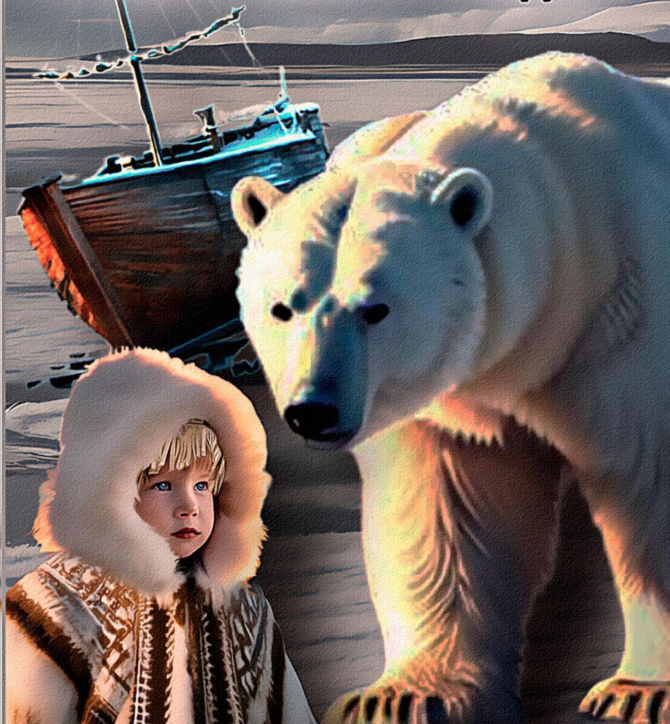

МИСТИКА РУССКИХ ГУБЕРНИЙ

АНАСТАСИЯ ДЕЕВА

СИХИРТЯ
С МЁРТВОГО СУДНА

Анастасия Деева
Сихиртя с мёртвого судна
Серия «Мистика русских губерний»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68299505

SelfPub; 2023

Аннотация

В конце 60-х годов XIX века у берегов архипелага Новая Земля артель поморских промышленников находит потерпевшее крушение судно. Группа из нескольких человек во главе с кормщиком Бекетовым решается на его обследование. Старый самоедский охотник Илко утверждает, что найденный на борту ребёнок принесёт страшные несчастья, но его не слушают. С момента, как промышленники покидают чужую палубу, смерть идёт за ними по пятам. Вырвутся ли они из ледяного плена Арктики?

Содержание

1. Оледеневшая кочмара	5
2. Живая находка	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анастасия Деева
Сихиртя с мёртвого судна

1. Оледеневшая кочмара

– Матерь божья! – Савва, перекинув ногу через покосившийся борт, замер, словно бы не решаясь прыгнуть на палубу.

Его рука смахнула снежок с побочины¹, и тот заискрил в воздухе мелкой морозной пылью.

Яков Осипович Бекетов, кормщик² стоящей на якоре на окраине небольшого залива ладьи³, стряхнул с головы снег и накинул на голову капюшон малицы⁴.

Савва, все так же не решаясь ступить внутрь, несколько раз истово перекрестился.

– Упокой, Господь, души рабов твоих! – донесся его сдавленный голос.

Бекетов взглянул на стоявшего рядом старого охотника-самоеда⁵. Тот понимающе покачал головой. Ещё не увидев того, что открылось глазам самого молодого из их маленькой группы, он знал ответ.

---

¹ Побочина – (помор.) боковая обшивка судна.

² Кормщик – капитан или рулевой поморского промыслового судна.

³ Ладья – поморское трехмачтовое парусно-гребное судно.

⁴ Малица – мужская верхняя одежда народов Крайнего Севера, сшитая из телячьих шкур мехом внутрь.

⁵ Самоед – общее название коренных малочисленных народов Севера: ненцев, энцев, нганасан, селькупов.

Савва спрыгнул на палубу, и его стало не видно снизу.

Бекетов вздохнул. Он догадывался, что они подоспели на место чужой трагедии слишком поздно. Скорее всего, судно, лежащее набекрень между почти сросшихся между собой льдин недалеко от берега, давно пусто и необитаемо.

На что он надеялся, когда, уже готовясь к отплытию на материк, приказал отправиться на обыск потерпевшей крушение кочмары⁶? На то, что воды близ Новой Земли⁷ в середине сентября менее суровы, чем в любое другое время года? Может, поверил, что трагедия произошла совсем недавно и кто-то выжил?

Его надежды могли оправдаться. Кочмара – хорошее судно, которое бороздит неласковые волны Северного Морского пути. Её корпус специально сделан в форме яйца, чтобы его не сжимало дрейфующими льдинами, а выдавливало на их поверхность. Даже голландцы и норвежцы признавали мудрость поморских корабелов, что создавали свои суда, spolна изведав суровые нравы местных вод.

Кочмара, обледеневшая на ветру в последний шторм, выглядела безжизненной. Её единственная мачта была сломлена, а на палубе не видно было ни души...

– Поднимайтесь! – Савва перегнулся через борт, чтобы

---

⁶ Кочмара – (помор.) Она же – коч. Русское морское парусно-гребное судно поморских и сибирских промышленников

⁷ Новая Земля – архипелаг в Северном Ледовитом океане между Баренцевым и Карским морями

подать руку следующему, кто попытается забраться.

Бекетов кивнул самоеду. Старый охотник был легче, поэтому ему с Саввой проще было втащить на борт могучую фигуру кормчего.

– Илко, я тебя подсажу, а вы уж меня вдвоём подтяните, – сказал он.

– Как скажешь, Яков Осипович.

В команде ладьи было принято кликать друг друга по прозвищам да именам, но Бекетова звали почтительно, по имени-отчеству. Он был человеком учёным, закончил кемскую школу шкиперов, а потому авторитет его был даже выше, чем у владельца ладьи, артельного старосты Кречета. Тот был против схода на берег, считая за дурную примету со-ваться в навью⁸ кочмару.

С третьей попытки Якова Осиповича втянули на борт. Палуба была покрыта тоненьким слоем заиндевелого инея. Под ним оказался голимый лёд.

Кормчий, не ожидавший этого, поскользнулся, упал на колени и громко чертыхнулся. Когда он поднял глаза, увидел перед собой чьи-то припорошенные снежком бахилы⁹. Подняв голову, Бекетов почти уткнулся взглядом в лицо сидевшего перед ним незнакомого человека, чьи борода, брови и

---

⁸ Навья – (помор.) относящаяся к мёртвому.

⁹ Бахилы – (помор.) Мягкие высокие (выше колен) чулки из непромокаемой ткани или кожи, сшитые швами вовнутрь. Надевались поверх обуви, чтобы уберечь её от снега и воды.

ярко-розовое, почти красное лицо были покрыты сосульками. Пустые, замёрзшие глаза смотрели прямо на непрошенного гостя.

Яков Осипович замер, чувствуя, как где-то внутри, по мышцам растекается холодом смерти суеверный ужас, от которого даже тронутые сединой волосы зашевелились. Слишком неожиданным оказалось увидеть рядом покойника.

Замёрзший сидел, скрючившись, у самого борта. Его малица была покрыта равномерным слоем льда и инея, и примёрзла к обшивке.

– Ох ты ж! Чур меня! – выдохнул кормчий.

Облачко морозного пара отлетело из его рта в сторону красного лица мертвеца.

Бекетов быстро отпрянул, резко поднялся, отряхнулся, окинув взглядом палубу кочмары.

...Их было трое... Это были полностью оледеневшие фигуры. Судя по одежде, да по бороатым лицам – это были русские промышленники¹⁰. Каждый был обвязан верёвкой за пояс, а концом её была обмотана мачта. Необходимая предосторожность в шторм, чтобы людей не смывало за борт во время качки. Те, кто пренебрегал этой простой мерой безопасности, часто заканчивали жизнь в тёмных, холодных волнах.

Видимо, эти трое боролись до конца, но их убили промокшая насквозь одежда, ледяной ветер и шторм... Больше на

---

¹⁰ Промышленник – (помор.) промысловик.

палубе не было никого...

– Батюшка-Море взяло своё, – Савва, почёсывая куцую, жидкую бородёнку на молодом лице, тихо подошёл к Беке-тову и встал за его спиной.

Яков Осипович, словно очнувшись от жуткого зрелища, перекрестился, глядя в светлое небо.

– Никола Морской за них заступится перед Богом.

Савва тоже осенил себя крестным знаменем. Илко, хоть и был крещёным, так и остался стоять, из под прищуренных раскосых глаз глядя на заледеневшие фигуры.

Было тихо, если не считать шума ветра и шелеста успокоившегося после бури моря. Оно ударялось о льдины, от этого они слегка поскрипывали. Эти звуки вызвали тоскливое, безнадёжное чувство бессилия перед стихией и трагедией, которая, должно быть, произошла совсем недавно. Может быть, это было даже вчера, когда господствовал северный ветер.

Ладья пережила тот шторм в уютной бухте. Как только море успокоилось, и задул поветерь¹¹, решено было сниматься, чтобы наступающие холода не заставили зимовать на Новой Земле.

– Яков Осипович... Идёмте отсюда. Некому тут помогать. – Савва мотнул головой в сторону берега, стараясь не смотреть на оледеневшие тела. – Если трюм и богат добы-

---

¹¹ Поветерь – (помор.) попутный ветер.

чей, грех у нави¹² отбирать... сами знаете... Батюшка-Море не простит.

Бекетов кивнул. Ему самому не хотелось находиться на мёртвом судне. Он был не робкого десятка, но одного взгляда опытного морехода хватило, чтобы понять: смерть первой ступила на палубу отважного кочмары. Искать живых – бессмысленно.

– Погоди... Товар не тронем. Лоцию же забрать надо, – сказал он сурово и припомнил известную поговорку: – И опосля нас помор¹³ на промысел пойдёт, как же след для него после себя не оставить?

Савва согласно кивнул. Поморские лоции – это святое. Издавна мореходы сурового Севера подробно описывали в них опасные места, безопасные подходы к укромным бухтам, где можно было спрятаться от волн и бушующих ветров. Там же были данные о приливах и отливах, о скорости морских течений, и судоходности рек в период паводка и засухи.

Такие записи помор дома за божницей хранит, а на судне кормчий, спать ложась, под подушку их кладёт. Эти книги из поколения в поколение передаются, как самое ценное наследие.

Дурной приметой было брать из трюмов рыбу, нерпу и моржовую кость, которую добыли погибшие промышленни-

---

¹² Навь – (помор.) – мертвец.

¹³ Помор – самобытная малочисленная этнографическая группа русского народа на побережье Белого и Баренцева морей.

ки. Батюшка-Море, забрав их с собой, имел право и на их добычу. Взять лоцию, молитвенник и иконки, коли на судне они были, не возбранялось всякому доброму христианину.

– Вы на нос загляните. Может, там, у печи, кто-то живой ещё есть. Да в трюме проверьте... Я в казёнку¹⁴ загляну.

Кочмара – судно небольшое, но имеющее свои отсеки. На носу выкладывали печь, там готовили, и там же располагался кубрик. В средней части, в трюме, перевозили товары, рыбу, птицу, нерпу, моржовую кость. На корме располагалась каюта кормчего.

Туда Яков Осипович и направился, предоставив спутникам право обследовать нос и трюм. Вход оказался заперт, как этого и следовало ожидать. В шторм закрывали всё, что можно, чтобы вода не попадала во внутренние помещения. Ко всему прочему низ у двери оледенел. Чертыхнувшись второй раз, Бекетов достал поясной нож, и стал отбивать наледь от порога.

Он работал, чувствуя спиной неприятное ощущение сверлящего взгляда закоченевшего трупа.

– Нет там живых, – Илко поднялся из трюма и подошёл к Бекетову. – Не доброе тут место... Уходить надо...

– Подсоби-ка мне с дверью, – не слушая его, приказал Бекетов. – Лоцию возьму, иконки поищу. Креста на берегу не оставить, так глядень¹⁵ из камней сложим под скалами, куда

---

¹⁴ Казёнка – (помор.) каюта хозяина или кормчего на судне

¹⁵ Глядень – (помор.) пирамидка из камней. Оставалась как знаковое место, в

вода в прилив не достанет. Иконку меж камней оставим за помин души рабов Божьих... Вот и будет им часовенка...

Илко подошёл к нему. Порывом налетевшего ветра сбило ему капюшон на спину.

– Сменный ветер... – сказал самоед. – От берега он... плохо это... Сейчас тут край лохты¹⁶ зарупасило¹⁷, а может и всё зарупасить.

– Про ветер сам понимаю... Ничего... Мы сейчас быстро управимся... Да и не оторвёт льдины так быстро... Тут наторосило хорошо, да морозцем прихватило. Я больше за ладью беспокоюсь... Не шибко удачно мы встали... Как бы её с якоря не сорвало...

Бекетов поднялся и резко потянул дверь на себя. Самоед не шевелился, глядя на небо.

– Туча идёт, – узкие глаза старика стали совсем тонкими полосками, когда он взглянул на выползающую из-за скал свинцово-синюю громаду облака. – Низко она... Буря будет...

Бекетов заглянул внутрь казёнки.

Так повелось, что на малых судах часто кормчие были главными лицами, выполняя функцию капитанов и командуя артелью. Настоящие владельцы судов, в частности купцы, оставались на берегу, сдавая свои суда промышленникам

том числе и там, где происходили кораблекрушения.

¹⁶ Лохта – (помор.) небольшой залив.

¹⁷ Зарупасить – (помор.) загромоздить льдом, наторосить.

в аренду. Следовало забрать все имеющиеся на борту бумаги, чтобы позже предоставить их в Архангельское адмиралтейство.

Оставив двери открытыми, чтобы дневной свет проникал в помещение, Бекетов бегло осмотрел нехитрое убранство казёнки. Оно было простым: кровать с наваленными на неё шкурами, что использовались вместо одеял, рундук¹⁸, да письменный стол. В его ящике лежала старая лоция, пара каких-то писем, да кошель с тремя рублями с полтиной.

Яков Осипович сначала положил кошелёк на место, но потом не удержался и потянул его в карман.

– Вы уж не обессудьте... Деньги вам не к чему, а я вам, мужички, на те деньги лучше панихиду закажу, – пробормотал Яков Осипович неизвестно кому.

Тут ему показалось, что в темноте что-то шевельнулось...

Он резко обернулся, но никого не увидел.

– Илко, ты, что ли шумишь? – спросил он в двери, зная, что самоед остался снаружи.

Не дожидаясь ответа, Бекетов, сунув бумаги за пазуху и крепко подтянув пояс, чтобы они не выпали, подошёл к красному углу, где висела икона Николы Морского¹⁹ – самого почитаемого среди мореходов святого. Сняв её и спрятав на

---

¹⁸ Рундук – большой ларь, устанавливаемый во внутренних помещениях корабля, который используется для хранения личных вещей, используемый, как сиденье.

¹⁹ Никола Морской – Николай Чудотворец

груди, Яков Осипович вышел наружу.

– Уходим, – сказал он, взглянув на край тучи, выползающий из-за скал.

Резкий порыв ветра заставил его отвернуть лицо в сторону ладьи, что ожидала их у другой оконечности мыса, там, где льда совсем не было.

– Матерь божья! Только бури нам не хватало, – крикнул Савва, который уже маячил у борта, готовясь покинуть кочмару.

– Тихо! – Бекетов сделал знак рукой и остановился, с удивлением прислушиваясь.

– Ты что, Яков Осипович?

– Показалось... будто плачет кто... Тоненько так... – кормчий, откинул капюшон и недоумённо обернулся.

Все трое замерли, словно бы среди завывания ветра и шума волн можно было различить в этом навьем царстве какой-то живой, посторонний голос.

– Нет тут никого. Я и на носу смотрел, и в трюм спускался, – сказал Савва недоумённо.

Бекетов обернулся... Тут, и правда, живых не было. Только скрючившийся у борта труп смотрел на них пустыми заледеневшими глазами.

– Яков Осипович, уходим, – жалобно протянул молодой. – Нам ещё до берега добраться надо, а оттуда на лодке – до ладьи... – он первым, зацепив верёвку за багор, спустился вниз, на льдину. Прыгать он опасался, чтобы сбитые затором

и недавним морозом льдины не разошлись под его ногами.

Бекетов сделал шаг в сторону борта снова замер.

Да что же это за звук, такой, что сердце рвёт? Не птица же кричит... Да и какие сейчас птицы, если на дворе – самый канун праздника Воздвижения²⁰, когда считается, что на зиму поворот пошёл. Все крылатые уже в тёплые края улетели...

Бекетов обернулся в сторону казёнки, откуда отчетливо слышались сквозь все посторонние шумы чьи-то всхлипывания. От этого звука мороз шёл по коже.

Откуда тут этот тоненький, жалобный, такой настоящий плач?

– Яков Осипович! Буря идёт! Уходить надо! – Савва нетерпеливо замахал руками.

Илко тоже прислушался. Он сделал несколько шагов в сторону каюты кормчего, словно бы тоже чего-то услышал.

Тишина...

Ветер воет, да море сильнее шумит, разбиваясь о льдины затора.

В эти звуки внезапно ворвалось сплетённое из непонятных слов причитание с ноющими всхлипами.

Бекетов и Илко переглянулись. Не слышалось ли им обоим? Старик-самоед поднял руку, указывая пальцем на дверь в казёнки. Звуки шли оттуда.

---

²⁰ Имеется ввиду день Воздвижение Креста Господнего – 14 сентября по старому стилю.

Яков Осипович, пытаясь сдержать суеверный ужас, взглянул туда, куда указывал самоед.

С их места была видна лишь часть кровати с наваленными на неё шкурами. Кажется, в том углу и было неясное шевеление.

– Ох ты ж! Там же... никого, – Бекетов готов был поклясться, что в каюте, когда он в неё заходил, было пусто. – Спрятаться негде... Может, это ветер... или... собака?

– Уходить надо, – быстро сказал Илко, откинув назад седые волосы, заплетённые в две косы. – Недобро тут...

Он направился к борту.

– Яков Осипович! – донёсся нетерпеливый голос Саввы – Мы идём? Ветер крепчает... Что же вы!

Бекетов, как замороженный, смотрел внутрь казёнки. Он ясно видел шевелящиеся шкуры, и точно понимал, что это не ветер приводит их в движение.

Его взгляд скользнул по телам замерзших людей. Может, зря он дважды чертыхнулся тут, на палубе? Нельзя при нави поминать нечистого.

Бекетов был не робкого десятка, но нутром чувствовал, как цепкий, липкий страх морозными иголочками покалывает откуда-то изнутри...

Яков Осипович медленно сосчитал про себя до трех и резко шагнул внутрь каюты.

Шкуры шевелились.

Там, под ними, что-то было... Оттуда, изнутри, донесся

не то всхлип, не то тоненький плач.

Кормчий взял за край кусок меха и потянул его на себя.

2. Живая находка

Шкура сползла на пол, за ней – вторая, и на Бекетова из-под отороченной песцовым мехом шапки уставилось зарёванное, грязное детское личико. От яркого света, хлынувшего в глаза, малыш зажмурился, но мокрые реснички снова быстро распахнулись. Увидев человека, дитя надрывно заревело.

Некоторое время Яков Осипович оторопело смотрел на ребёнка, словно не понимая, откуда он взялся здесь, так далеко от любого человеческого жилья. Это было настолько немыслимо, настолько нелепо, что некоторое время Бекетов стоял в оцепенении. Наличие живого, беспомощного существа на мертвой кочмаре заставило испытать самое настоящее потрясение.

Малышу на вид было годика три. Одет он был, как и все дети северных народов, в меховую парку²¹ почти до щиколоток. Из-под подола выглядывали меховые сапожки.

– Ох ты ж! – пробормотал Бекетов, склоняясь над кроватью.

Ребенок всхлипнул, снова заревел и потянул к незнакомому дяде руки.

Чья-то тень перегородила проход. Яков Осипович вздрог-

---

²¹ Парка – просторный вид верхней одежды с капюшоном у северных народов

нул, обернулся.

В казёнку вошёл Илко и с удивлением воззрился на единственного живого обитателя судна.

– Пожалел дитя Никола Морской, – произнёс Бекетов, беря малыша на руки.

Илко подошёл к нему, внимательно вглядываясь в детское личико. Неожиданно он резко отпрянул, словно бы испугавшись чего-то.

– Сихиртя! Сихиртя! – тревожно произнёс он, указывая пальцем на ребёнка.

Слово было незнакомым для Якова Осиповича, поэтому он бросил недоумённый взгляд на самоеда.

– Ты про что?

– Сихиртя! Брось! Брось! Оставь здесь! – быстро, тревожно заговорил старик, тыкая пальцем в малыша.

– Ты в своём уме, Илко? Что я, нехристь какой, дитя бросать? – Бекетов подтянул шкуры и замотал малыша в них, как в одеяла.

Ребёнок жадно обнял его за шею, словно бы в пришедшем взрослом было его единственное спасение. Он спрятал мокрое лицо в ворсе капюшона, тихо, беспомощно всхлипывая.

– Брось! – почти взвизгнул самоед. – Беда придёт! Сихиртя беду принесёт! Несчастье и смерть всякому, кто сихиртя хоть раз увидит!

Истеричный тон самоеда отрезвил Якова Осиповича, за-

ставил сбросить оцепенение. Он прижал к груди малыша и сказал с расстановкой:

– Все под Богом ходим, Илко... Каждый из нас рано или поздно умрёт... Ты мне пальцем не тычь... Дитё малое я в обиду не дам! Итак настрадалось.

Он первый вышел наружу. Савва, всё еще сидевший на борту, с удивлением взглянул на них:

– Матерь божья! – только и выдохнул он. – Откуда у вас... это?

– Они вот знали, да нам не скажут – Бекетов кивнул на оледеневшие трупы. Может, в бумагах прочтём после... А пока уходить надо... Неровен час, буря застанет...

Илко подскочил к нему, перегородил дорогу, снова заговорил быстро:

– Яков Осипович! Оставь сихиртя здесь! Она беду принесла!

– Она? – Бекетов опустил взгляд на ребёнка. – Так это что... девчоночка?

Илко кивнул.

– Ох ты ж!

Малышка подняла вверх личико, и кормчий с удивлением заметил, какие пронзительно-светлые, словно бы небо в туманной дымке, у неё глазёнки.

Это был не самоедский ребёнок. Те рождаются круглолицые, узкоглазые... Тут цвет кожи было не разобрать, словно бы ребёнок никогда не умывался. Зато черты лица – как у

всякого белого человека, а нос – курносою пуговкой. Из под бахромы капюшона, сделанной из тонкой оленьей кожи, выбивались светлые, курчавые прядки волос...

– Спускаемся, – приказал Бекетов самоеду. – Савва, при-
мешь ребёнка... Да смотри, аккуратно, не урони...

– Нельзя брать сихиртя! К беде! – бурчал Илко, недобрым
взглядом наблюдая за тем, как Бекетов передает молодому
промышленнику малышку.

Когда все оказались на льду, тронулись осторожно обрат-
но, стараясь внимательно смотреть под ноги. Лдины, что
сбились в огромный остров у оконечности лахты, скрепило
недавним морозцем, но это был ещё ненадёжный покров. В
любой момент поверхность под ногами могла разверзнуть-
ся, и маленькая команда могла уйти под воду. Поэтому шли,
скрепленные верёвкой, отдельно друг от друга, внимательно
глядя под ноги.

Они бы не рискнули обследовать кочмару, не будь та в
непосредственной близости от берега.

Первым двигался Илко, как самый лёгкий. Он разведывал
дорогу. За ним с ребёнком на руках двигался Бекетов. За-
мыкал процессию Савва.

– Тут осторожнее надо... Лёд битый, мелкий. – Илко сде-
лал предостерегающий знак рукой, чтобы остальные оста-
новились. – Тебя, Яков Осипович, не выдержит... Тяжелый
ты... Давай девку мне... Подержу... Сам ступай по той боль-
шой лдыне, да на края не становись...

Бекетов глянул на берег. До него оставалось всего ничего, но место, через которое надо было пройти, было слишком коварным. Кое-где блестела подо льдом тёмная вода.

Он попытался отцепить от шеи крохотные ручонки, но девочка, испуганно взглянув на самоеда, неожиданно громко заревела.

С трудом Яков Осипович оторвал её от своей шеи, передав на руки старого охотника. Малышка вопила отчаянно, будто её режут, и пытаясь ударить старика кулачками по лицу...

– Ох, разбушевалась девка... Погоди, Илко... Мы, кажись, не так шли... Там надёжная тропа была... А ты к полынье вывел... Левее надо, – пробормотал Бекетов, с сомнением глядя на льдины впереди.

Он, внимательно осматривал их, надеясь увидеть свои прошлые следы.

– Ты что делаешь?! – услышал он позади резкий окрик Саввы.

Чуть не поскользнувшись, Яков Осипович обернулся и заметил, что Илко пробирается ближе к полынье в намерении скинуть в неё ребёнка.

Кормщик в одном прыжке рванул обратно, чувствуя, как где-то под ногами хрустит ненадёжный лёд.

– Что же ты делаешь, поганец!

Малышка визжала, пытаясь вцепиться ручонками в ворот охотника. Казалось, она понимает, что тот задумал сделать.

В пару скачков Бекетов добежал до Илко, вырывая у него

из рук девочку.

– Она принесёт смерть! – Илко, как безумный, вцепился в парку ребёнка, пытаясь вырвать её из рук Бекетова и сбросить в полынью.

Яков Осипович был сильнее. Он подхватил дитя под мышку, как кулёк, а второй рукой наотмашь ударил в ухо самоёда. Тот не удержался, отъехал к самому краю льдины.

Илко, казалось, обезумел. Он тыкал пальцем в малышку и повторял:

– Сихиртя нельзя никому видеть! От этого беда и смерть будет.

Льдина, на которой он стоял не выдержала перекося и, встав на торец, сбросила старого охотника в воду.

Бекетов с Саввой и охнуть не успели, как темная вода сомкнулась над головой Илко. Льдина с грохотом обрушилась обратно в горизонтальное положение, и прихлопнула то самое место, где только что находился самоед. Только кончик веревки остался торчать между льдин...

– Ложись! – заорал Савва Бекетову, чтобы того не постигла та же участь.

Яков Осипович знал, что по ненадежному льду лучше ползти. Он, обернувшись... Надо было что-то делать, как-то вытаскивать охотника. Глядя, как прочно легла льдина на место, Бекетов понимал: бесполезно. Он попытался подтянуть верёвку за собой, но это было глупое, бессмысленное действие. Льдина раз и навсегда закупорила для Илко возмож-

ность выплыть.

От отчаяния, от бессилия что-либо изменить, Бекетов застонал. Он тихо полз в сторону Саввы, подтаскивая за собой ребёнка.

– Ох, ты ж! Как глупо! Илко, как глупо, – бормотал Яков Осипович.

Уже на сидя на берегу, они с Саввой долго молча смотрели на то место, где произошла стремительная трагедия.

– Заступись, Никола Морской, за раба Божьего... Он хоть и остался нехристью в душе, но хороший промышленник был... – наконец сказал Яков Осипович.

Туча к тому времени накрыла половину небосклона, а ветер ещё больше усилился. Море покрывалось пенными бурунами.

Закапали первые тяжелые капли.

– Подъём. Нам надо до лодки успеть! – скомандовал Бекетов.

Им предстояло пройти до свободной воды почти целую версту.

– Бежать надо, – волновался Савва. – Штормить начнёт, в лодку тогда не сядем...

– Погоди ты... Дай-ка флягу с водой, мне сухарик размочить надо, – сурово сказал Бекетов. – Дитё голодное!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.